

УДК 811.161.1'373.23''15''(476.5)

Антропонимия деловых документов Витебска конца XVI – начала XVII в. как инструмент для исторического социолингвистического исследования региона

Вардомацкий Л.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Язык – важнейший источник знаний об исторических судьбах народа. Постоянно аккумулируя в своих номинативных единицах явления и процессы общественной жизни, язык содержит в себе богатейший (все еще до конца не оцененный) материал для осуществления научных изысканий о событиях и людях ушедших эпох, но оставивших свой след в словаре, фонетике и грамматике языка.

Цель статьи – выявление, систематизация и анализ социологической и этнокультурной ситуации, сложившейся в г. Витебске к концу XVI – нач. XVII веков и отразившейся в именовании жителей города.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили именованные жители города Витебска, извлеченные из оригинальных текстов Витебской летописи 1768 г. и Решения комиссарского суда под председательством Льва Сапеги от 22 января 1624 года. Исследование материала проводилось методом сравнительно-исторического анализа и исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. В статье классифицируются и анализируются особенности формы и структуры антропонимических единиц, представленных в двух памятниках письменности – Витебской летописи 1768 г. (о событиях 1597 г.) и Решении Витебского комиссарского суда под председательством Льва Сапеги, 1624 г.. Анализ выделенных структурных групп антропонимов показывает, что кроме обычной для этих лексических единиц функции – номинативной, имена собственные выполняют в языке более сложную функцию. С одной стороны, они фиксируют и отражают социально-культурный уровень эпохи, сформировавшей то или иное имя, с другой – демонстрируют этапы его исторического развития как самостоятельной единицы языка и, вместе с тем, как элемента языка, находящегося в зависимости от внешних и внутренних факторов развития языка.

Заключение. Изучение форм и структуры имен собственных, представленных в текстах деловых документов Витебска кон. XVI – нач. XVII вв., выявляет тенденции складывания антропонимной системы региона. В списке членов Витебского магистрата 1597 года наблюдается тенденция формирования именованных лиц по формуле имя-отчество-фамилия. Отчество – существенная часть именованного человека и признак его конфессиональной отнесенности. Однако в тексте Решения комиссарского суда 1624 года эта тенденция нарушается, что свидетельствует об изменении социальной и конфессиональной ситуации в Витебске в начале XVII века.

Ключевые слова: антропонимия, структура антропонимов, имя собственное, именование лиц, отчество, прозвище, социальный статус, конфессиональная отнесенность.

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 31–35)

Anthroponymy of Business Documents of Vitebsk of the late XVI – early XVIIth centuries as a Tool for Historical Sociolinguistic Research in the Region

Vardamatski L.M.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Language is the most important source of knowledge about the historical destinies of the people. Constantly accumulating in their nominative units the phenomena and processes of social life, the language contains the richest (still to be assessed) for carrying out scientific investigations on the events and people of bygone eras, but left its trace in the vocabulary, phonetics and grammar of the language.

This article aims at the identification, systematization and analysis of sociological and ethno-cultural situation in the city of Vitebsk by the end of XVI – early XVII centuries and were reflected in the naming of residents of the city.

Materials and methods. *The research is based on naming the inhabitants of the city of Vitebsk, extracted from the original texts Vitebsk chronicle of 1768 and decisions of the Commissar court, chaired by the Governor of the Vilna Lev Sapieha January 22, 1624. The study material was conducted using the comparative historical method.*

Findings and their discussion. *The article classified and analyzed the features of the shape and structure of anthroponomical units, available in two monuments of writing – Vitebsk chronicle of 1768 (the events of 1597) and the Decision of the Vitebsk court's Commissars under the chairmanship of Leo Sapieha, 1624. Analysis of selected structural groups of anthroponyms reveals that besides the usual for these lexical items function, naming people perform in the language more complex function. On the one hand, they fix and reflect the social and cultural level of an era that shaped a particular name, on the other – demonstrate the stages of its historical development as an independent unit of language and as a language element, dependent on internal and external factors of language development.*

Conclusion. *The study of the forms and structure of proper names presented in the texts of business documents of Vitebsk of the late XVI – early XVII centuries, identifies the trends of folding antropogennoi system of the region. In the list of the members of the Vitebsk magistrate 1597, there is a tendency of formation of naming individuals according to the formula of the name-patronymic-surname. The patronymic is an essential part of naming rights and its religious basis. However, in the text of the decision of the court in 1624, this trend is broken, which indicates a change in the social and religious situation in Vitebsk in the early seventeenth century.*

Key words: *anthroponymy, the structure of the anthroponyms, proper name, naming the persons, nickname, social status, religious relatedness.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 31–35)

Язык – важнейший источник знаний об исторических судьбах народа. Постоянно аккумулируя в себе явления и процессы общественной жизни, язык содержит богатейший (все еще до конца не оцененный) материал для осуществления научных изысканий о событиях, ситуациях, судьбах народов, укладах жизни, верованиях, предпочтениях, мировоззрении людей ушедших эпох, но оставивших памятный след в словаре, фонетике и грамматике языка.

Имена собственные, выполняя одну из основных функций языка – номинативную, концентрируют в себе интересную и важную с точки зрения изучения истории языка и истории народа особенность. С одной стороны, они фиксируют и отражают социально-культурный уровень эпохи, сформировавшей то или иное имя (название), с другой – демонстрируют этапы его исторического развития как самостоятельной языковой единицы и, вместе с тем, как элемента языка, находящегося в зависимости от внешних и внутренних факторов развития языка.

Цельданного исследования – выявление, систематизация и анализ социологической и этнокультурной ситуации, сложившейся в г. Витебске к концу XVI – нач. XVII века и отразившейся в именовании жителей города, что, в свою очередь, дает возможность выделить лингвистические признаки, определяющие этническую, социальную и конфессиональную соотнесенность носителей этих именовании.

Актуальность исследования определяется необходимостью выработки в условиях формирования современного независимого белорусского государства объективных критериев оценки

исторических процессов, протекавших в эпоху становления белорусской этнической общности.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили именовании жителей г. Витебска, извлеченные из оригинальных текстов Витебской летописи М. Панцырного и С. Аверки, 1768 г. (часть летописи, посвященная составу Витебского магистрата и городского суда, избранного в 1597 году), и Решения комиссарского суда под председательством воеводы Виленского Льва Сапеги от 22 января 1624 года «Об умерщвлении в г. Витебске Иосафата Кунцевича, епископа Полоцкого». Анализ материала проводился методом сравнительно-исторического анализа и исторической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Социально-исторические процессы, наблюдавшиеся в XVI – XVIII веках на территориях современного белорусско-российского пограничья и в городе Витебске в частности, длительное время были и остаются предметом оживленных дискуссий. В центре этих дискуссий, как правило, этническая и конфессиональная отнесенность жителей региона. Ответить на этот вопрос сегодня, на наш взгляд, можно только абстрагировавшись от эмоционально политизированного дискурса и опираясь исключительно на формальные признаки. Такими формальными признаками в частности являются именовании жителей города Витебска интересующего нас времени – конец XVI - нач. XVII века.

В 1597 году, как известно, Витебск получил право на самоуправление (Магдебургское право), в связи с чем в марте этого же года прошли выборы Витебского магистрата и были избраны члены магистрата. По списку именовании избран-

ных членов магистрата уже можно в некоторой степени судить о социально-этническом составе Витебска конца XVI в. Это в основном трехчленные именованья с отчествами на *-ичи* «фамилиями», свидетельствующими о начальном, но активном этапе формирования категории официальных именованья жителей г. Витебска. Эта особенность характерна для всех социальных слоев витебского общества: все бурмистры города, члены магистрата (городского совета), судебные заседатели, рядовые граждане города представлены трехчленными именованьями – имя-отчество-фамилия. С другой стороны, такая структура именованья отчетливо характеризует и конфессиональную ориентацию жителей города – сохранение православия, в связи с чем социальная, конфессиональная и языковая ситуация в городе продолжали оставаться сложными, что и привело вскоре Витебск к мощному социально-конфессиональному взрыву и отмене Магдебургского права.

Известно, что территория Витебского воеводства к моменту получения Магдебургского права, находилась под активным униатским давлением, которое резко усилилось после назначения Полоцким архиепископом И. Кунцевича. О степени такого давления говорит тот факт, что даже король польский и канцлер Великого княжества литовского были обеспокоены положением в своих восточных землях. Так, король Сигизмунд 17 мая 1621 года пишет Витебскому воеводе Янушу Костевичу «о прекращении обид, причиненных некоторым Витебским православным церквам»: *«Ни в комъ бы еси церквамъ Божимъ и священникомъ кривды не чинилъ, а што будетъ тыхъ доходовъ набралъ ты бы еси имъ поотдавалъ... бо Мы государь и в маестати нашомъ всей земли Витебское выписали, ижъ старины не маемъ рушитъ, а церквамъ Божимъ и овше мѣне надобе кривды чинити и стараго наданя рушити»* [1, с. 102]. Значительно жестче пишет канцлер Лев Сапега, отвечая на жалобы И. Кунцевича о якобы нежелании жителей Полоцка, Витебска, Орши и Могилева принимать униатскую веру: *«Признаюсь, что и я заботился о деле уни и что было бы неблагоразумно оставить это дело. Но мне никогда и на умъ не приходило того, что ваше преосвященство будете присоединять къ ней столь насильственными мерами... Вы своимъ неосмотрительнымъ насилемъ подстрекнули и, такъ сказать, принудили народъ русский къ сопротивлению»* [2, с. 218. Перевод с польского А. Сапунова. – Л.В.]. Правда, такое отношение к И. Кунцевичу не помешало Л. Сапеге, назначенному председателем судебной комиссии по рассмотрению дела о витебском бунте 12 ноября 1623 года, в результате которого архиепископ И. Кунцевич был убит, принять самые жестокие меры относительно бунтовщиков.

В описании и оценке этого события, большинство исследователей, как правило, опираются на перевод Решения комиссарского суда 1624 года и его публикацию, осуществленную А. Сапуновым в издании «Витебская старина». В предисловии к изданию А. Сапунов, в частности, отмечает, что он собрал и издает свои материалы *«желая собрать в настоящей книге, по возможности, большее количество источников для истории г. Витебска»* [3, с. XXII].

В данном исследовании мы опираемся на несколько более позднее издание документа «Дело объ умерщвлении въ гор. Витебске Юсафата Кунцевича, униатскаго архіепископа Полоцкаго, по решению назначеннаго королемъ Сигизмундомъ III комиссарскаго суда подъ председательствомъ воеводы Виленскаго Льва Сапеги» (далее – Решение комиссарского суда), осуществленное в 1903 году Д.И. Довгялло в сборнике «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской». При подготовке материалов к изданию Д.И. Довгялло не только преследовал цель *«дать все, что можно, в области, освещающей религиозное, политико-экономическое, юридическое состояние и народный быт западно-русского, а посему и нашего Белорусского края, со всеми мелочами деятельности»* [4, с. XI]. На первое место он ставит другую задачу: *«Этими документами, – пишет он в предисловии, – мы начинаем ряд точного копирования древнейших актов, как самого драгоценного материала для изучения древнего белорусского языка»* [4, с. XI].

Как видим, А. Сапунов и Дм. Довгялло ставили перед собой разные задачи. А. Сапунову важны, прежде всего, исторические факты, а языковые средства их выражения отходят на второй план и, следовательно, не отличаются точностью кириллической транслитерации, а иногда и просто ошибочны. В результате, например, Jermak в переводном тексте передается как Иермак, Hawruk как Гаврила, Jasek как Исаак, Alachim как Аквин, Koszak как Козак, Jakub как Яков, Churs как Фирс, Ciecierka как Цецека, Wazył как Василь, Truchonow как Трукхович, Kowal как Кузнец, Cur как Царь, Matys как Матис, Lesun как Лизун, MikitaSzewc как Никита Сапожник, Dawyd как Давид, SatekJakubowicz как Яська Якимович, OkulaBalbyszka как Окола Балбышка, JasekKozaczok как Яська Козаченок, Sicak как Сих Цар, TiszkaKożemiaka как Цешка Кожевник, Pasior («главный зачинщик и бунтовщик») как Стефан Пасера, żłukta как Златка, WaskaPiekusz как Васька Бекуш, KuryłaMuszyn как Кирилл Миссин, Sliżyk как Скржип, IlliaDawydowicz как Илья Давидович.

Для лингвистических исследований подобные «мелочи» на самом деле чрезвычайно важны,

что видно хотя бы на последнем примере: форма имени *Illia* может свидетельствовать о развитии в языке перед звуком [j] удлинённых согласных (совр. белор. *Ілля*). В публикации А. Сапунова эта особенность, к сожалению, исчезает.

После первых выборов в Витебский магистрат прошло 23 года. Но, опираясь на изучение номенклатуры именованных жителей города Витебска, принявших участие в бунте 1623 года и перечисленных в протоколе заседания «Коммиссарского суда по делу об убийстве Полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича» от 22 января 1624 г., можно отметить, что социально-конфессиональная ситуация в городе еще более обострилась. На наш взгляд, такое конфессиональное противостояние должно было зафиксироваться в языковых единицах, которые в наибольшей степени отражают социальный и этнический состав жителей города. К таким лексическим единицам, как известно, в первую очередь относятся антропонимические образования, которые широко и разнообразно представлены в исследуемом документе, отражающем трагическую страницу витебской истории. Всего в названном протоколе комиссарского суда выделяются около 190 антропонимических единиц различной структуры. Из них в части документа, посвященной приговору суда, – 92 антропонима.

Документы демонстрирует интересные и важные с социолингвистической точки зрения особенности в употреблении форм и структуры имен собственных. Сравним.

1. В «Летописи Панцирного и Аверки», в которой представлены члены Витебского магистрата и жители города Витебска 1597 года, до 65% антропонимов подаются в трехчленной форме (имя-отчество-фамилия): *IwanHawrilowiczKlyha*, *WasiliSymonowiczWielizanin*, *WasiliIlliniczTanko*, *IwanIsikowiczAndronowski*, *KonstantyChominiczStuzakowski*, *SerhiPiotrowiczZatataj*, *FiodorStefanowiczSpica*, *OsifHawrilowiczKlyha*, *IakimIurewiczSzawra*, *KuzmaIwanowiczKomasa*, *BohdanJakimowiczPekucz*, *FiodorSymonowiczWertoszka*, *OsifNikiferowiczSzawra*, *IwanIsakowiczSamuylow*, *DanilaHrehorowiczSzulka* [5].

2. В протоколе комиссарского суда 1624 года из 92 антропонимов лиц, подвергнутых судебному разбирательству, встречаем только два именованные такой структуры: *Петр Василевич Полочанин* («приехал из Полоцка помогать восстанию») и *Петр Иванович Щур* (бурмистр г. Витебска, судом оправдан). Практически во всех остальных случаях имеем двучленные именованные. Причем, по формуле «имя + отчество» – только 11 человек: *Гаврила Романович*, *Роман Данилович*, *Матис Еремашевич*, *Васька Еремашевич*, *Илья Давидович*, *Петр Алексеевич* (поп), *Яська Яки-*

мович, *Федор Церебешович*, *Григорий Бонич* (писарь), *Озарко Василевич*, *Офанас Павлович*.

Исследуя имена собственные в документах Минского городского суда за 1587 год и в документах ВКЛ, Иван Крамко, известный историк белорусской антропонимики, обратил внимание на одну существенную особенность: «Відавочныя неаднолькавыя адносіны да ўжывання імя па бацьку ў Вялікім Княстве Літоўскім і ў Маскоўскай дзяржаве. Розніца гэтая была не толькі колькасная (у частаце ўжывання імя па бацьку), але і якасная. Калі ў Маскоўскай дзяржаве... імёнамі па бацьку імянавалі толькі прадстаўнікоў вышэйшых сацыяльных слаёў эпохі феадалізма (для ніжэйшых слаёў выкарыстоўвалі бацькоствы з суфіксамі –ов, –ев, –ин), то ў беларусаў формы на –овіч, –евіч не мелі саслоўна-класавага значэння. У нас прызвішча на –овіч, –евіч мог мець і князь (князь Юрэй яго милость Олелькович), і зямлянін (Ян Юревич), і баярын (Глеб Яцкевич, Павел Мацкевич), і мяшчане (Иван Карпович), і людзі цягля (Микита Лукьянович), і агароднікі (Степан Ермолович), і татарын (Абдыселям Адамович)» [6].

3. Антропонимических образований по формуле «имя + патроним на –ов, –ев, –ин» в анализируемом нами витебском документе всего 7: *Иван Гужнищев*, *Михайла Валимов*, *Олешек Артемов*, *Матфей Игнатов*, *Фурс Шаповалов сын*, *Исаак Любчин*, *Иван Аквин*. Встретившийся в тексте однажды антропоним *Арешка Цермуков Шатуров* несет в себе, вероятно, признак переходности к трехчленной системе именованных.

4. По формуле «имя + прозвище по роду деятельности» в протоколе Витебского комиссарского суда 1624 года представлены 11 именованных осужденных: *Богдан Коваль*, *Гаврила Пушкарь*, *Федор Козак Гончар*, *Якуб Шинкарь*, *Никита Сапожник*, *Тишка Кожемяка*, *Гришка Слесарь*, *Николай Олейник*, *Андрей Колесник*, *Тараска Пирожник*, *Гаврила Шаповал*.

5. В списке лиц, по которым вынесен приговор суда, три антропонима построены по двусоставной модели «имя + фамилия – оттопонимическое образование»: *Семен Старинский*, *Данилка Высоцкий*, *Иван Нашковский*. Такие именованные – свидетельство, как правило, социального статуса их носителей. Авторы учебного пособия «Ономастика Беларуси. Антропонимия» утверждают: «Фамильный тип на –ский, –цкий по продуктивности занимает второе место на территории Беларуси. Наиболее распространены такие фамилии в Гродненской, Минской и западной части Витебской областей» [7; 136]. Немногочисленность таких образований в протоколе Витебского комиссарского суда, вероятно, объясняется именно этой лингвогеографической особенностью.

6. Наконец, самую большую группу, до 50% двухсоставных антропонимов, составляют образования по формуле «имя + прозвище (в том числе, с неочевидной мотивировкой)»: *Семен Неша, бурмистр, Гришка Скоруба, Гришка Бибка, Василий Хурс, Васька Невгода, Иван Лесун, Данчук Гайдук, Окула Балбышка, Стефан Пасёр, Федор Танька, Богдан Лытка, Иван Ацмак, Андрей Клевчик, Неша Драгила, Алексей Москаль, Иван Ольшаник, Яков Дубонос, Павел Шарыпа, Васька Пекуша, Семен Хлюста, Васька Кека*. Пять прозвищ-именований в этой группе мотивированы названиями животных: *Наум Волк, бурмистр, Гаврила Бык, Иван Козел, Иван Щур, Федор Тетерка*.

Заключение. Изучение антропонимического состава памятников деловой письменности г. Витебска конца XVI – нач. XVII вв. помогает понять ряд существенных социальных и -конфессиональных особенностей, характеризующих население города этого времени.

В списке членов Витебского магистрата 1597 года наблюдается тенденция формирования именовании лиц по трехчленной формуле – имя-отчество-фамилия. Отчество – существенная часть именовании и примета профессиональной отнесенности лица. В Решении комиссарского суда 1624 года эта тенденция нарушается. Минимализацию использования отчества в структуре именовании лиц, перечисленных в этом документе, можно рассматривать как специальный прием уничижения, обезличивания и стирания их соотнесенности с православными традициями.

Именования лиц, привлеченных к ответственности по рассмотрению комиссарского суда, свидетельствуют о социальном составе участников витебского бунта 1923 год, более половины которых составляли рядовые жители Витебска.

Литература

1. Наказная грамота короля Сигизмунда Витебскому воеводе Янушу Костевичу о прекращении обид, причиняемых некоторым Витебским православным церквам. 1621. Мая 17. / А. Сапунов. Витебска старина. Т.1. Док. № 49. – Витебск, 1883. – 668 с.
2. Ответ Льва Сапеги, канцлера Литовского, на письмо Полоцкого архиепископа Иосафата Кунцевича // А. Сапунов. Витебская старина. Т.1. Док. № 117. – Витебск, 1883. – 668 с.
3. Сапунов, А. Витебска старина. Т.1. / А. Сапунов. – Витебск, 1883. – 668 с.
4. Довгялло, Дм. Ив. Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Выпуск тридцатый / Дм. Ив. Довгялло. – Витебск, 1903 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.calameo.com/read/002055968892936183cdd> – Дата доступа: 18.12.2017.
5. Літопис Панцирного й Аверки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov12.htm> – Дата доступа - 18.12. 2017 г.
6. Крамко, І. З гісторыі беларускага іменавання асобы [Электронный ресурс] / І. Крамко – Режим доступа: <http://mowaznaustwa.ru/2009/05/01/i-kramko-z-gistoryi-belaruskaga-imenavannya-asoby/> – Дата доступа: 18.12.2017 г.
7. Мезенко, А.М. Ономастика Беларуси. Антропонимия / А.М. Мезенко, Ю.М. Галковская, А.Н. Деревяго, Г.К. Семенькова. – Минск : РИВШ, 2017. – 398 с.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.